

Я родился в Гастрономе...

Портрет Владимира Кобрина

14 января в Музее кино состоится вечер, посвященный памяти режиссера Владимира Кобрина, где покажут небольшие его фильмы с непривычными для многих названиями. Прошло сорок дней с того момента, как не стало этого талантливого человека.

Если бы в былые времена советский зритель остановился у афиши с названиями фильмов Владимира Кобрина — "Транспорт веществ через биологические мембраны", "Перенос электрона в биологических системах", "Биофизика ферментативных процессов", — то, вероятно, убежал бы от нее без оглядки. Но удивительно не это: даже доверчиво расположившись у экрана, он, скорее всего, мало что узнал бы про "мембрану" или "электрон". "Обычное" просветительское кино дотошно разъясняло, скажем, тонкости условных рефлексов у подопытных собак. Просветительские ленты Кобрина паразитально нефункциональны.

"Перенос электрона" иллюстрируют неистовые проезды по рассветной Москве, обращенной "короткофокусной" оптикой в бешено крутящийся арбуз... В фильме "Молекулярная биофизика" теплоход вылетает из шлюза, как из пращи, к дугой выгнутому водному горизонту. И все здесь кишит, кипит, снует, переползает, плавится — телам не писаны правила гравитации, тесны рамки биологических видов. Каждый кадр снят так, словно камеру у авторов вот-вот отнимут, успеть бы ею наиграться!

Ясно, отчего А.Сокуров, С.Сельянов или Слава Цукерман учились в мастерской научно-популярного кино ВГИКа. Здесь не так донимали идеологией, можно было потихоньку экспериментировать и "мирно" вращать в игровое кино. Тактически выждав, режиссеры расторгали этот фиктивный брак, освобождаясь от стеснявших одежек. Кобрин же "легализовал" себя в отрасли, не только не предполагая авторского начала, но требующей предельной безличности. В перестройку он не горланит на митингах, не разъезжал по фестивалям, не стонал, что без цензуры, якобы стимулировавшей изыски "эзопова языка", не работает. Ему до того "снялось", что посмотреть все его фильмы почти непосильно.

В фильмах Кобрина назначение и значение предметов, даже кажущихся знакомыми, по сути, неведомо. Вот комнаты, где все застыло, готовясь встретить... не гостя — непрошенные гости здесь мы, — а полноправного Хозяина. В покоях этих для него — сама собой с шелестом вползает на стол накрахмаленная скатерть, возле тарелок зажжены свечи и разложены замысловатые столовые приборы. Но в них — болты и бритвы, живые жирные раки. А царь природы напоминал механический манекен. В фильме "Томо парадоксум" о нем сказано без обиняков: "Технически оснащенная и духовно недоразвитая голая обезьяна".

И на экране предстает это нелепое, затянутае в облегающее трико существо с искусственными, по-

рыбы выкаченными, недвижимыми зрачками и отчего-то под черным раскрытым зонтом. Обезьяна надевает воинскую форму, с такими кокетливыми ужимками застегивая пуговицы гимнастерки и так отставляя ножку в надраенном сапоге, что это напоминает стриптиз. Облачение в форму стрелка НКВД изображено как непристойный акт, как род порнографии — сцена достойна Свифта.

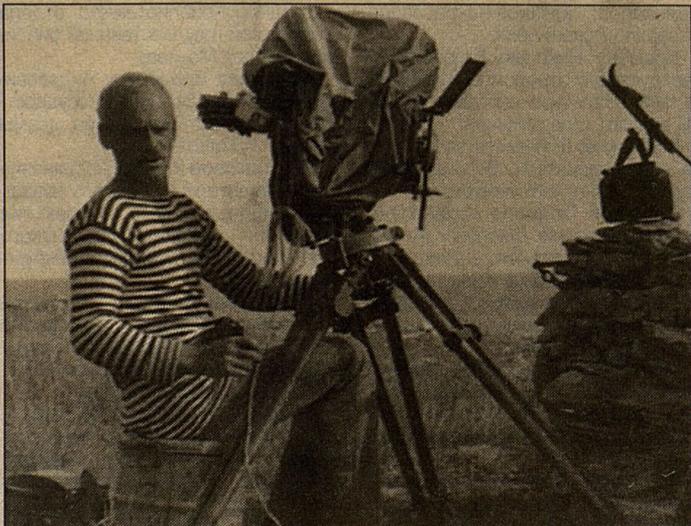
В белье и сапогах это существо лежит на постели, в ногах — граммофон и телевизор, книжку оно читает, держа ее вверх ногами, пишет оно... вилкой, в его Красном углу вместо иконы — шахматная доска, а представления о прекрасном ограничиваются репродукцией картины "Три богатыря". Его эмблема — Серп и... Топор, а крайугольное мировоззренческое понятие выражено огромными буквами "НЕ НАШ".

Кобрин, подобно Ж.-Л.Годару, обожает игру со словесными клише и значениями "расчлененных" слов. Чего стоит том с названием "Краткий курс истории НКВД (6)"! Вместо дикторской скороговорки, вынужденно вставленной в его "ранние" картины, за кадром звучат подлинные диалоги душевнобольных. Обороты, которым позабывал бы Хармс: "Я родился в Гастрономе № 22", "Мне выпала карта, называемая словом "жизнь", "Управляющий фиолетового КГБ", — произносятся с проникновенной серьезностью. Как ни бессвязен этот лепет биоплазмы, он мало отличается от обычного говора улицы.

Мечта Эйнштейна — фильм, созданный по методу того "потока сознания", что принес в культуру Джойс. И Кобрин стремился выразить здесь внутренний мир человека, который чудом выполз из-под колеса советской истории. В фильме "...Абсолютно из ничего..." раздумьям о природе человека предается Семен Семеныч, мирный провинциальный философ. Он часто смотрит на луну, встающую над огородами, и даже видит на ней однажды, как в круглом зеркальце, отражение своей благодушной физиономии. Его добродушная улыбка, светящаяся с лунного диска, напоминает улыбку знаменитого чеширского кота. Музыкальный лейтмотив "Огней большого города" здесь использован Кобриным как гимн наивной и нежной душе "маленького человека".

Пронизанный юмором и простодушностью поэзией фильм заканчивается необычной для Кобрина умиротворяющей тирадой о том, что "разбитые тарелки приносят счастье больше летающих", "никакая гениальная теория не способна объяснить вечные тайны любви" и вообще — "братьев по разуму надо искать не в Космосе, а на Земле... пока еще есть время". На вопрос о том, отчего былой мизантроп снял фильм, столь примиряющий с существованием человеческого рода, режиссер с комическим ужасом воскликнул: "Неужели я старею?.."

Олег КОВАЛОВ

В.Кобрин на съемках

Кобрина - 2000 - 13-19 Янв. - с.9

233